

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'42

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В БУРЯТСКИХ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТАХ

© *Бадмаева Лариса Батовевна*

доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: lorabadm@mail.ru

© *Жамсоев Амгалан Дашиевич*

соискатель,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tiirgen@gmail.com

Статья посвящена проблеме изучения языка бурятских летописных текстов, а именно — выявлению интертекстуальных включений из ранних прецедентных текстов. В данной работе язык летописей в аспекте интертекстуальности рассматривается впервые. В ходе исследования выявлено, что в исторических нарративах бурят присутствуют все формы интертекстуальных включений: точечные цитаты (имена мифологических героев, антропонимы, топонимы), пересказ фрагментов из сказок и легенд, фоновые ссылки на национально-прецедентные тексты, понятные всем (или большинству) носителям языка, и т.д. Также обнаружены интертекстуальные связи бурятских летописей с общемонгольскими летописями. Отмечено, что интертекстуальные включения играют важную роль в процессе формирования, оформления и последующей репрезентации исторической информации, являясь ключевыми знаками, маркирующими значимые моменты содержания текста.

Ключевые слова: бурятские летописи; старомонгольская письменность; язык летописных текстов; интертекстуальные включения; точечные цитаты; национально-прецедентные тексты.

Летописи на вертикальном монгольском письме пользовались большой популярностью среди бурятских читателей, имели хождение исключительно в рукописях, которые распространялись подвижниками-библиофилами бурятских степей. Бурятские летописи не похожи на европейские или русские летописи, даже на собственно монгольские. Характерной особенностью бурятских хроник является их синкретизм, смешение исторического и литературного жанров, стилей.

Бурятские авторы излагают наиболее важные события, происходившие в жизни тех или иных родов и племен. Вместе с тем в них, в отличие от монгольских летописей, содержится большое количество этнографических, религиозных, культурологических, хозяйственных сведений.

До революции были изданы лишь отдельные бурятские летописи: в 1869 г. в «Иркутских губернских ведомостях» вышел труд Н. Ц.-Ж. Сахарова «Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области», в 1900 г. А. М. Позднеев в своей «Монгольской хрестоматии» опубликовал «Предание о Бальжин-хатуне» [22], в 1905 г. вышел в свет труд Агвана Доржиева «О происхождении бурят».

Широкое изучение и издание бурятских летописей началось в 1930-х гг. в Институте востоковедения АН СССР благодаря усилиям монголистов Н. Н. Поппе, А. И. Вострикова, В. А. Казакевича, Т. А. Бурдуковой [7]. В 1935 г. в Ленинграде были изданы на старомонгольском языке «Летопись баргузинских бурят» [16]; летописи хоринских бурят Тугултура Тобоева, Вандана Юмсунова [18], Шираб-Нимбо Хобитуева [20], в 1936 г. — «История селенгинских монголо-бурят» Дамби-Жалцан Ломбоцыренова [17]. В 1940 г. Н. Н. Поппе выпустил в переводе на русский язык «Летописи хоринских бурят», куда вошли летописи Т. Тобоева и В. Юмсунова [19].

После войны некоторые баргузинские летописи были изданы Г. Н. Румянцевым [23], селенгинские — З. Т. Тагаровым [25]. Вопросам исследования языка старописьменных памятников бурят посвящены труды Д. Д. Доржиева [10], Ц. Б. Цыдендамбаева [26]. Проблемы перевода летописных текстов на русский язык занимались Ш. Б. Чимитдоржиев, Б. Д. Доржиев, Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева [8, 9], Л. Б. Бадмаева [5]. В 1992 г. благодаря усилиям Ш. Б. Чимитдоржиева были изданы 9 летописей в диахроническом переводе на современный бурятский язык [27, 28]. К этой работе были привлечены ученые со знанием старописьменного монгольского языка: Ж. С. Сажин, Д. Д. Доржиев, Р. Е. Пубаев, Ц.-А. Н. Дугарнимаев, Г. О. Туденов, Г. Н. Очирова, Л. Д. Шагдаров, Б. З. Базарова, Х. Ж. Гармаева, Л. Б. Бадмаева.

До недавнего времени изучение языка старописьменного летописного дискурса бурят оставалось на периферии внимания исследователей. Стремясь преодолеть этот пробел в бурятском языкознании в 1980-х гг. под руководством Л. Д. Шагдарова было начато изучение языка и стиля бурятских письменных памятников, а также вопросов их перевода на бурятский и русский языки. Результаты исследований опубликованы в монографиях и научных статьях Л. Д. Шагдарова [27, 4], Л. Б. Бадмаевой [1, 2, 3, 4, 5], Ц. О. Балсунаева [6], Г. Н. Очировой [21, 5], А. Д. Жамсоева [11, 12, 13, 14].

Как замечает Е. С. Кубрякова, «... любая дискурсивная деятельность облигаторно связана с ИНФОРМАЦИЕЙ — ее передачей от одного лица / коллектива другому лицу / коллективу, ее запросом, ее обработкой и переработкой отдельной личностью или коллективом говорящих и т.п.» [15, с. 6].

При изучении дискурса существенны такие характеристики личности автора, как мировоззрение, теоретический и практический опыт. Также необходимо учитывать и особенности получателя информации — адресата, реципиента с его социальным положением, видом трудовой и общественной деятельности, образованием, потребностями и интересами. В связи с этим исследователи оперируют понятием пресуппозиции, под которой понимается база той информации, которую автор стремится донести до адресата, т.е. фонд общих фоновых знаний читателя.

В этом плане для полного и адекватного восприятия нового дискурса для адресата очень важны и значимы интертекстуальные включения в тексте. Под интертекстуальными включениями мы понимаем включения, содержащие фрагменты знаний из других наук и областей, участвующих при оформлении и репрезентации исторической информации.

Интерес к интертекстуальности как к лингвистическому явлению возник в середине XX в. (Ю. М. Лотман, Ю. Кристева, Р. Барт, М. М. Бахтин, М. Риффатер, Ж. Женетт, И. В. Арнольд, Н. А. Фатева, И. Д. Смирнов, И. И. Ильин, Ю. П. Солодуб и др.).

Согласно точке зрения этих исследователей, писатель неизбежно пользуется созданным ранее сюжетом. Он может как-то модифицировать его, наполнять своим содержанием, однако при этом связь с первоначальным сюжетом не утрачивается. Получается, что опора на уже готовый сюжет есть объективная реальность. Модифи-

кация, к которой прибегает писатель по отношению к уже готовому сюжету, есть не что иное, как проявление интертекстуальности.

Как пишет Ж. Женетт, интертекстуальность есть один из пяти типов межтекстовых отношений. Первый тип — архитекстуальность, представляющий собой систему отношений, в которые данный конкретный текст вступает с текстами родовой категории, к которой он собственно и относится. Паратекстуальность — отношение данного текста к иллюстрациям, сделанным к тексту, а также к эпиграфу или предисловию. Третий тип — метатекстуальность. Данный тип представляет собой эксплицитный или имплицитный комментарий или ссылку с элементами критики на претекст данного текста. Гипертекстуальность определяет отношения между любым последующим текстом с текстом предыдущим, (в том числе пародия, продолжение, перевод). Интертекстуальностью также называется сопутствие между двумя или несколькими текстами (цитата, плагиат, аллюзия) [29, р. 7–12].

Ментальное пространство исторических концептов, формируемое с помощью интертекстуальных включений, неоднородно и отражает уровень фоновых знаний автора о культурно-семиотическом наследии народа.

Исследователи выделяют различные формы интертекстуальных включений: цитация, точечные цитаты (имена литературных персонажей других произведений или мифологических героев, включенные в текст), пересказ в форме косвенной речи фрагментов из текстов других авторов, фоновые ссылки на идеи, высказанные ранее, плагиат, аллюзия и т. д.

В бурятском языкознании летописные тексты в аспекте интертекстуальности впервые рассмотрены в научном докладе А. Д. Жамсоева [14].

В данной работе выявлено, что анонимный автор хоринской летописи, обнаруженной в Ацагате (далее АО), широко использует интертекстуальные включения фольклорно-мифологического характера, причем одной из особенностей слога автора является его критическое отношение к данным легендам, что не характерно для остальных бурятских летописей. В тексте «Ацагатского очерка» выявлены следующие реминисценции: 1) прослеживаются упоминания имен персонажей бурятских легенд *Barayu (Barayud) bayatur, Buq-a noyan ba=bai*, представляемых устной фольклорной традицией как родоначальников современных бурятских субэтносов, а также названий мест их обитания — топонимов *Buyir dalai, Burqan Qaldan, Bayiyal mörүн*, несомненно, известных носителям бурятской идентичности.

2) Сюжет ухода матери-лебедицы повторяется в АО достаточно близко к прецедентным текстам, зафиксированным этнографами: ... «Она надела лебяжью одежду, села на полку и спросила мужа, красива ли она. Хорёдой-моргонь сказал, что она красива, как и прежде, и любовался ея красотой. Хобоши-хатунь полетела въ верхнее отверстие юрты, въ которое выходит дымъ. Въ это время одна изъ шести дочерей ея гнала тарасунь. Съ крикомъ: «Куда, мама?» она схватила грязными руками за обе ноги лебеди-матери; но Хобоши-хатунь, выдернувъ ноги изъ рукъ дочери, вылетела изъ юрты и начала кружиться надъ ней; она говорила въ это время своему мужу и детямъ: «Вы, земныя жители, оставайтесь на земле, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину!» [24, с. 114].

Упоминаемая в бурятских летописях легенда об одиннадцати братьях, давших начало одиннадцати хоринским родам, сюжетно связана с преданием о матери-лебедице, она также тематически и композиционно отсылает нас к бурятским фольклорно-мифологическим претекстам.

Легендарный фрагмент, описывающий Бальжин-хатун и ее бегство со своими подданными 11 хоринских родов занимает ключевое сюжетное место в «Ацагатском

очерке», как некий переломный момент, символизирующий переход от легендарных событий к событиям исторического характера.

Следует отметить, что в бурятских летописных текстах кроме проявлений внешних интертекстуальных отношений с фольклорно-мифологическими текстами, обнаруживается определенное число интертекстуальных связей с общемонгольскими летописями, включая и самое раннее историческое сочинение «Сокровенное Сказание монголов» (1240), «Алтан тобчи» Лубсан Данзана (1620), «Эрдэнийн тобчи» Санан Сэцэна (1662) и др.

Актуализация ассоциативных связей с классическими летописями, в частности с «*Mongγol-un niuca tobcaan*» и «*Altan tobči*» разных версий происходит при описании Алун-гуа, дочери Хоридой мэргэна: *Qoyar qori tümed-ün Qoridai buyu Qorid mergen anu Baraγudai mergen-ü Barγujin γov=a ökin-i gergei abuγsan-ača Alung γov=a kemekü γaγča ökin ba Qori, Qoriodai, Qoridqan, kemegdekü 3 köbegüid qamtu ür=e törügsen-ü Alung γov=a keüken-i Dobu mergen gergei abuba*. ‘У хори-гумэтского Хоридая или Хорид-мэргэна, взявшего в жены Баргужин-гуа, дочь Барагудай-мэргэна, родились одна дочь по имени Алун-гуа и три сына: Хори, Хорёдой, Хоридхан. Их дочь Алун-гуа взял в жены Добу-мэргэн’ (Пер. наш).

В параграфах § 8 и 9 «Сокровенного сказания» наблюдаются практически те же мифонимы, что и в соответствующем фрагменте из «Ацагатского очерка»: *Tede bölüg irgen ber Köl_ barqujin töküм-ün ejen Barqudai_ mergen-ü ökin Barqujin qoa nere-tei ökin-i Qori_ tumad-un noyan Qorilartai_ mergen-e ögtegsen ajuu. Qori_ tumad-un yajara Ariγ_ usun-a Qorilartai mergen-ü Barqujin_ qoa-ca töregsen Alan qoa nere-tei ökin tere... Qori_ tumad-un Qorilartai mergen-ü ökin Ariγ_ usun-a töregsen Alan qoa-γi tende yuγuju Dobun mergen-ü abuγsan yosun teyimü* [30, p. 1052-1066]. ‘Дочь владыки Баргуджин-Токума Баргудай-мэргэна, девушка по имени Баргуджин-гуа, была выдана в замуж за хори-гуматского нойона Хорилартай-мэргэна. На земле хори-гуматов в местности Ариг-усун у Хорилартай-мэргэна от Баргуджин-гуа родилась дочь по имени Алун-гуа ... Там Добун-мэргэн, попросив руки Алун-гуа, дочери хори-гуматского Хорилартай-мэргэна, рожденной в местности Ариг-усун, женился. Такова традиция’ (Пер. наш).

В «*Altan tobči*» Лубсан Данзана данный эпизод описывается следующим образом: *Tede irgen-dür kürbesü ünenkü kümün-e ese ögtügsen: γov=a sayin ner=e aldar yeketei Alun γov=a neretü ökin ajuγu.: Tede irgen Barγujin tümed-ün ejen Qorildai mergen-ü Barγujin γov=a-ača törügsen Alun γov=a tere ajuγu [...] Qori tümed-ün Qorildai mergen-ü ökin: Ariγ usun-a törügsen Alun γov=a-γi Dobu mergen-ü abuγsan yosun teyimü bölüge:.* ‘Когда они прибыли к этому народу, там была красивая девушка по имени Алун-гуа, знатного происхождения, еще ни за кого не сосватанная. Эта девушка была дочерью владыки Баргуджин-Токума Хорилдай-мэргэна, рожденная от Баргуджин-гуа [...]. Так Добу-мэргэн женился на Алун-гуа, дочери хори-гумэтского Хорилдай-мэргэна, рожденной в местности Ариг-усун. Такова была традиция’ (Пер. наш).

На лексическом уровне обнаруживаются многочисленные совпадения с общемонгольскими и другими бурятскими летописями: 1) При сравнении текстов АО и ССМ полностью или частично идентичными обнаруживаются следующие мифонимы: *Qoridai mergen* (АО) = *Qorilartay_ mergen* (ССМ), *Baraγudai mergen* (АО) = *Barqudai mergen* (ССМ), *Barγujin γov-a* (АО) = *Barqujin_ qoa* (ССМ), *Alung γov-a* (АО) = *Alan qoa* (ССМ), *Dobu mergen* (АО) = *Dobun mergen* (ССМ);

2) при сравнении текстов АО и АТ Лубсан Данзана полностью или частично идентичными выявлены следующие мифонимы: *Qoridai mergen* (АО) = *Qorildai*

mergen (АТ), *Baryujin γov-a* (АО) = *Baryujin you-a* (АТ), *Alung γov-a* (АО) = *Alun you-a* (АТ), *Dobu mergen* (АО) = *Dobu mergen* (АТ);

3) также при сравнении текстов АО и сокращенного варианта АТ полностью или частично идентичными выявлены следующие мифонимы: *Qoridai mergen* (АО) = *γorildai mergen* (АТ), *Barayudai mergen* (АО) = ... (АТ), *Baryujin γov-a* (АО) = *Baryujin you-a* (АТ), *Alung γov-a* (АО) = *Alun you-a* (АТ), *Dobu mergen* (АО) = *Dobu mergen* (АТ).

Анализ интертекстуальных включений, выявленных в летописных текстах бурят, показал, что эти элементы играют важную роль в процессе формирования, оформления и последующей репрезентации исторической информации.

Итак, в языке текста «Ацагатского очерка о хори-бурятах» выявлены два пласта реминисценций, относящихся к двум разным историческим периодам: 1) фольклорно-мифологический пласт, датируемый средневековым периодом, и сходный по содержанию с «Сокровенным сказанием монголов», который обусловлен общим происхождением всех монгольских народов. Определенное число реминисценций соотносится также с устной фольклорно-шаманской традицией бурят. Большинство из них опирается на устную информацию, переданную автору представителями старшего поколения; 2) историко-литературный пласт — реминисценции, основанные на личных изысканиях автора в области истории бурят и других народов Центральной Азии. Автор АО достаточно широко освещает историю хори-бурят, делая ссылки на исторические труды и рассказы очевидцев. Данный пласт относится к новой истории, начинающейся с 1700-х годов.

Таким образом, выявленные интертекстуальные включения (точечные цитаты — антропонимы, топонимы, мифонимы, пересказ в косвенной речи фрагментов из бурятских сказок и легенд, фоновые ссылки, представляющие реминисценции национально-прецедентных текстов, понятных всем (или большинству) носителям языка) в бурятских летописных дискурсах являются ключевыми знаками, маркирующими узловые моменты содержания текста. Интертекстуальные включения выполняют важную роль при создании текста, формируя целостную и смысловую завершенность всего текста-реципиента, расширяя информационное пространство нового дискурса.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.
2. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.
3. Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 296 с.
4. Бадмаева Л. Б., Бадмаева Л. Б. Язык и стиль селенгинской летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 216 с.
5. Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.
6. Балсунаев Ц. О. Язык памятника «Улигер-ун далай»: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2001. 180 с.
7. Бурдукова Т. А. Хроника Ширав-Нимбо Хобитоева // «Рабочая хроника» Института Востоковедения АН СССР. Л., 1944. Ч. II. С. 38–40.
8. Бурятские летописи / сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ, 1995. 197 с.
9. Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. 224 с.
10. Доржиев Д.Д. Старобурятский язык. Улан-Удэ, 1992. 244 с.

11. Жамсоев А.Д. Категория склонения в языке летописи «Ацагатский очерк о хори-бурятах» // Ученые записки Забайкальского Государственного университета. Чита: Забайкальский государственный университет, 2015. С. 146-151.
12. Жамсоев А.Д. Русские лексические заимствования европейского происхождения в тексте «Ацагатского очерка» // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. С. 90-92.
13. Жамсоев А.Д. Отражение разговорного языка в «Песне Шилдэйзанги» в тексте «Ацагатского очерка о хори-бурятах» // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. С. 10-19.
14. Жамсоев А.Д. Научный доклад. Улан-Удэ, 2017. (Рукопись).
15. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1(018). 2009. С. 5-12.
16. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования издали А.И. Востриков и Н.Н. Поппе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 75 с.
17. Летописи селенгинских бурят. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова. Текст издал Н.Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 55 с.
18. Летописи хоринских бурят. Вып.1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандан Юмсунова. Текст издал Н.Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 172 с.
19. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандан Юмсунова / Пер. Н.Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. Т. 33. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 106 с.
20. Летописи хоринских бурят. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева. Текст издал В. А. Казакевич // Тр. Института востоковедения. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 125 с.
21. Очирова Г.Н. Ацагатская летопись о поездке делегации хори-бурят в Москву // Угай зам. 2002. №2.
22. Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1900. 416 с.
23. Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи / Г.Н. Румянцев. Улан-Удэ: Бурят.-монг. кн. изд-во, 1956. 150 с.
24. Сказания бурят, записанные разными собирателями // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества по этнографии. Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 2. 159 с.
25. Тагаров З. Т. Заметки о бурят-монгольской летописи «Бичихан запискэ» // Тр. БМНИИК. Улан-Удэ, 1952. Вып. XV.
26. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1972. 662 с.
27. Шагдаров Л.Д. Бурятские летописи и современный бурятский литературный язык (проблемы преемственности) // История и культура монгоязычных народов: источники и традиции. Улан-Удэ, 1989. С. 74-76.
28. Буриадай түүхэ бэшэгүүд / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буриадай номой хэблэл, 1992. 240 н.
29. Буриадай түүхэ бэшэгүүд. 2-дугаар ном / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ, 1998. 142 н.
30. Street J. The Language of the Secret History of the Mongols. New Haven, 1957.
31. Genette, G. Palimpsestes: la littérature au second degré / G. Genette. Paris, 1982. 468 p.

INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE BURYAT'S ANNALS TEXTS

Badmaeva Larisa Batoevna

Sc.D of Philology, associate professor
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
6, Sakhyanovoi Str., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: lorabadm@mail.ru

Zhamsoev Amgalan Dashievich

Postgraduate student
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
6, Sakhyanovoi Str., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: tiirgen@gmail.com

The article is devoted to the problem of studying the language of the Buryat chronicle texts, namely the identification of intertextual inclusions from early precedent texts. In this paper, the language of chronicles in the aspect of intertextuality is considered for the first time. In the course of the study, it was revealed that all forms of intertextual inclusions are present in historical Buryat narratives: pinpoint quotations (names of mythological heroes, anthroponyms, toponyms), retelling of fragments from fairy tales and legends, background references to national-precedent texts understandable to all (or most) native speakers, etc. There were found the intertextual links of the Buryat chronicles with the Mongol chronicles. It is noted, that the intertextual inclusions play an important role in the process of formation, design and subsequent representation of historical information, being the key signs marking the important points in the content of the text. *Keywords:* chronicles of the Buryats; the Old Mongolian script; the language of the annals texts; intertextual inclusions; pinpoint quotations; national-precedent texts